№ 6

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

1968

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

К 150-ЛЕТИЮ И. С. ТУРГЕНЕВА

П. Г. Пустовойт. Великий художник слова 3
Ф. Г. Бирюков. Настоящая русская речь 10
М. Б. Борисова. Слово в драматургии Тургенева 17
М. С. Гуреева. Не обряд прощания, а формула духовного возрождения 22
Ю. Л. Об одном сравнении в романе «Накануне» 25
В. П. Вомперский. Слово *шуршать* в рассказе «Бежин луг» . . 26
Н. Леонтьевский. Русский язык Полины Виардо 29

КУЛЬТУРА РЕЧИ

В. М. Богуславский. В защиту делового штампа 33
Т. С. Коготкова. Читатели о диалектных ошибках 38
В. Н. Сергеев. Памятник Минину и Пожарскому — памятник архитектуры 42
Д. И. Бутурин. Сочетание существительных с числительным *полтора* 44

УДАРЕНИЕ

В. Л. Воронцова. Остро́та и остро́та 47
Л. И. Ройзензон. Ту́товник или тутовник? 51

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Ю. М. Костинский. Иерихон футбольных трибун 52

ОРФОГРАФИЯ

Р. В. Макарова. Нужно ли менять русскую азбуку? 60
С. И. Зинин. Орфографические словари русского языка 64

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В. К. Л. Палец и перст 70
В. В. Веселитский. Орган, организм, организация, органический 73
И. А. Попов. Гуземец 79
З. М. Петрова. Дым отечества 82

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

С. Р. Варшавский. Легенда о топоре 85

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Л. И. Базилевич. Федор Иванович Буслаев 90
Е. Н. Этерлей. Любители русской словесности 97

КОНСУЛЬТАЦИИ

В. А. Плотникова-Робинсон. Нумерация склонений существительных 103

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ» 106

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1968 год 117

При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна

К 150-ЛЕТИЮ И. С. ТУРГЕНЕВА

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК СЛОВА

Неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого.

М. ГОРЬКИЙ.

В сокровищницу русского литературного языка И. С. Тургенев внес величайший вклад. Оценить его по-настоящему можно, только вспомнив, хотя бы в общих чертах, как шло развитие русского литературного языка.

Еще в эпоху Киевской Руси существовали светские и церковно-книжные стили древнерусского литературного языка. На смену им в эпоху становления Московского государства пришли новые стили, значительно обогатилась лексика и фразеология литературного языка.

Новый этап был связан с возникновением русского классицизма. Теория «трех штилей» строго регламентировала развитие языка, употребление тех или иных лексических пластов определялось жанром произведения (церковнославянизмы предназначались для «высоких» жанров, простые речения—

для «низких» и т. п.). Язык литературы классицизма представлял собой некую сферу условности, в которой преобладали абстрактные значения слов.

Следующий этап развития русского литературного языка отражен в литературе сентиментализма и романтизма (в творчестве Карамзина, Батюшкова, Жуковского и других). Выдвинув на первый план так называемые «средние» жанры, Карамзин предлагал заменить «словенскую речь» разговорным языком дворянского салона. Это освобождало речь от «высокого парения» и в какой-то мере приобщало ее к живому общению. И все же прогресс был весьма относителен, ибо разговорный язык салона — достояние ограниченного круга привилегированных лиц и сословий — был далек от речи народа. В литературе карамзинисты выдвигали на первый план индивидуальное сознание и чувство. Индивидуальность же в их понимании должна была соответствовать весьма определенному, прочно установившемуся идеалу добродетели. Поэтому пригодным для литературного языка признавалось только то, что отвечало постоянному эталону — идеалу сентиментальной «души». Например, в язык художественных произведений допускались «пичужечки», «миртовые рощи», «розмарины», «лилейные руки» и изгонялись «парни», «мужики» и прочие «низкие» слова, которые резали тонкий и нежный слух поборников стиля «элеганс». Карамзинистами даже составлялись списки «смешных» провинциальных слов, которые в литературе, по их мнению, употреблять не следовало. Литературный язык должен был приноравливаться к разговорному языку светского общества, но это общество говорило по-французски, употребляло много заимствованных слов. Поэтому Карамзин призывал писателей к изобретательству в языке, к выдумыванию многих слов и выражений.

Развитие русского литературного языка в XIX веке можно проследить по произведениям реалистическим. Писатели-реалисты, и в частности Пушкин, рассматривали личность как проявление истории народа, а язык — как воплощение этой истории в слове. Слово для Пушкина приобретает национально-исторический смысл. Если в русский язык попадает какое-либо иностранное или церковнославянское слово и существует в нем, приобретает «права гражданства», оно становится русским словом, но лишь в той мере, в какой реально и исторически оправдано. При Пушкине и после него прикрепление лексики к определенному жанру стало несущественным. Важно, чтобы слово стояло на своем месте, соответствовало теме, передавало ту идею, которую писатель хочет выразить.

Пушкин был непосредственным предшественником Тургенева не только в литературной тематике, но и в языке. В речи по поводу открытия памятника А. С. Пушкину Тургенев сказал: «Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением». Тургенев находил в языке Пушкина «все условия живучести: русское творчество и русская восприимчивость стройно слились в этом великолепном языке, и Пушкин сам был великолепный русский художник».

Роль Пушкина в истории русского литературного языка поистине огромна. Он не придумывал новые слова и формы, не стремился количественно увеличить русский лексикон. Но он решительно и смело уничтожил искусственные перегородки между различными пластами русского словаря, освободил слово от закрепощения его тем или иным жанром и жанровой теорией, открыл путь свободного пользования любой лексикой, обусловленной темой и содержанием художественного произведения.

История русского литературного языка в послепушкинскую эпоху состояла в том, что принципы Пушкина развивались и конкретизировались, а также значительно расширялась сфера использования в художественной литературе самой различной лексики. Этот процесс протекал не так гладко и

прямолинейно, как иногда изображают. Уже начиная с 20-х годов XIX века (то есть с периода расцвета творчества Пушкина), на протяжении десятилетий шли споры о языке и стиле: пересматривалось отношение к церковнокнижной языковой культуре, остро встал вопрос о взаимодействии между литературным языком и территориальными и профессиональными диалектами, возникла проблема использования в художественной литературе различных стилей просторечия, а также западноевропейских заимствований. Когда в 30-х годах широко развернулась деятельность философских и политических кружков (Станкевича, Герцена и Огарева), назрел вопрос о введении в художественные произведения отвлеченной лексики, элементов философской, политической и научной терминологии. Этому способствовали публицистические и критические статьи В. Г. Белинского (в которых великолепно сочеталась новая научная терминология с образностью), а также философские и художественные произведения А. И. Герцена.

Активное участие в полемике о языке и стиле в 30—50-х годах принял и Тургенев, творчество которого ознаменовало новый этап развития русского литературного языка. Унаследовав пушкинскую неприязнь ко всякого рода вычурностям и условностям в языке, риторическим прикрасам и длиннотам, Тургенев резко критикует высокопарный стиль Кукольника, нарочитую архаизацию Фета, романтические украшательства в повестях и рассказах Марлинского. Так, в письме к С. Т. Аксакову от 5 июля 1853 года Тургенев упрекает Фета в том, что тот «употребляет не только устарелые слова, каковы: „перси“ и т. д., но даже небывалые слова вроде: „заводи“ (завиток), „ухание“ (запах) и т. д. Я всячески старался ему доказать, что „ухание“ так же дико для слуха, как, например, „получие“ от благополучия» (Русские писатели о языке. Л., 1954).

Тургенев зло высмеивает искусственную выспренность стиля Марлинского, иронизирует над его холодной, фейерверочной музой. В рассказе «Стук... стук... стук!» писатель замечает, что «герои à la Марлинский попадались везде, особенно в провинции и особенно между армейцами и артиллеристами; они разговаривали, переписывались его языком; в обществе держались сумрачно, сдержанно — „с бурей в душе и пламенем в крови“, как лейтенант Белозор „Фрегата Надежды“», что «женские сердца „пожирались“ ими и что про них тогда сложилось прозвище: „Фатальный“» (И. С. Тургенев. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 8. М., 1956).

Витиеватую романтическую фразеологию 30-х годов Тургенев развенчивает и в романе «Дворянское гнездо». Восторженный студент Михалевич, «Демосфен полтавский» сравнивает себя «с птицей небесной», «с лилией долины», говорит, что «он очистился в горниле бед» или «волны жизни упали на мою грудь» и т. п. Не менее едко Тургенев иронизирует и над романтическим стилем речи Шубина в «Накануне»: «У меня на сердце теперь такая нежность...», «она (природа.— *П. П.*) будит в нас потребность любви и не в силах удовлетворить ее. Она нас тихо гонит в другие, живые объятия...».

Но, выступая против выспренной романтики стилей своих современников, Тургенев, тем не менее, высоко ценил романтику

Лермонтова, относился с большим уважением к его гражданскому пафосу, особому «ораторскому» стилю, восходящему к гражданской поэзии Пушкина и декабристов. Он даже стремился подражать Лермонтову не только в юношеской поэме «Стено», но и в прекрасной поэме «Разговор», которая нравилась Белинскому. Значительно позднее, в романах 50—60-х годов, Тургенев усвоит от Лермонтова-реалиста аналитическую манеру письма, склонность к определительным конструкциям с двойными и тройными эпитетами, к большим предложениям со сложным синтаксисом.

Тургенев многому учился и у Гоголя. Такие его произведения, как поэма «Помещик», повесть «Петушков», большинство рассказов и очерков «Записок охотника», написаны в духе «натуральной школы», здесь гоголевские элементы в художественной ткани преобладают. Гоголь смотрел на язык прежде всего как на живописное средство. Он считал, что, кроме общенародной, общеупотребительной лексики, в художественное произведение должны входить и различные территориально-диалектные, фольклорные и профессиональные элементы, придающие повествованию особый колорит. Тургенев следовал этому требованию Гоголя.

Достаточно прочитать «Записки охотника», чтобы убедиться, как Тургенев дорожил диалектной лексикой, бережно к ней относился и умело вводил в литературный обиход. На фоне литературного языка автора в «Записках охотника» заискрилась сочная орловская речь. В отличие от Даля и Горбунова, которые стремились к буквальному копированию «мужицкого лексикона», в отличие от Григоровича, который, подделываясь под народную речь, создавал стилизации, Тургенев употреблял различные диалектные слова и выражения в качестве важнейшего характерологического средства, помогающего процессу индивидуализации персонажей. Например, Хорь употребляет слова: *вестимо, набольший, отродясь,* в устах Ермолая вполне естественны выражения: «Право-ся», «чай, все хвораешь?». Деревенские мальчики Илюша и Костя в рассказе «Бежин луг» говорят: *понятственно,* пересыпают свою речь диалектными словами *рольня, лисовщики, казюли,* к которым Тургенев даже дает пояснения. Диалектизмы вкраплены в авторскую речь, но так искусно, что читатель замечает только общую картину, органическое единство того и другого. Некоторые местные слова и выражения Тургенев вводит для того, чтобы расширить представление читателя о языковых особенностях орловщины: майер — ‘густой тростник’, бучило — ‘глубокая яма с весенней водой’, сугибель — ‘крутой поворот в овраге’, верх — ‘овраг’ и т. д. С той же целью и в строгом соответствии с темой «Записок охотника» употребляется и профессиональная лексика и фразеология: поршок — ‘молодой перепел’, порскать — ‘криком и хлопаньем арапника выставлять зверя в поле’, цыркать (о ястребе), живот (в значении — ‘домашнее животное, лошадь’).

Все эти диалектизмы и профессионализмы в очерках и рассказах Тургенева художественно оправданы и гармонически взаимо-

действуют с основной стихией литературного языка, представленной в речи автора. Например, в рассказе «Бежин луг» (сразу после слов Павла о Тришке) читаем: «Все мальчики засмеялись и опять приумолкли на мгновенье... Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; еще много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари».

Сторонникам «дистиллированной» речи не нравились некоторые народные слова и выражения, употребляемые в рассказах Тургенева, например: гляделки, прошамшил, шпынять, дрыхнуть, зашибал маненько, живалый, лядащий, притулился,— но писатель все-таки вводил эту лексику в свои произведения.

Крупнейший стилист, Тургенев понимал, что литературный язык должен постоянно пополняться живыми, новыми словами, рожденными в народном сознании и отражающими характерные особенности местности, обычая, типа.

Вслед за Крыловым и Пушкиным Тургенев значительно расширил пределы употребления и функции просторечия. У него просторечие превращается из средства речевой характеристики определенных героев в достояние всей системы литературного языка. В. В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка» (М., 1934) писал, что просторечные новообразования сначала употреблялись только в «простонародных» диалогах, а затем стали появляться и в авторской речи.

Особенно ясной становится судьба просторечия при сопоставлении романов «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети».

В «Дворянском гнезде» просторечные слова и выражения в устах Марфы Тимофеевны — яркое средство, такое же, как в устах Марьи Дмитриевны французские изречения. Некоторые исследователи даже называют этот пласт лексики, употребляемый Марфой Тимофеевной, старинным усадебным просторечием и делают это не без основания. Грубоватые словечки, вроде *обтрепались, глаза вытарашил*, придают речи Марфы Тимофеевны оттенок какой-то старомодности.

Совсем иное в «Отцах и детях». Здесь просторечие втянуто в систему литературного языка и перестает быть характерологическим средством одного или нескольких героев. Здесь не только Базаров говорит: сказывал, махнем-ка, вишь, прокатимся, поболтаемся, в переделке была, шлялись, напичкан, улизнуть, рассыропиться, дудки,— но и представители либерального лагеря пользуются этой экспрессивной лексической категорией. Николай Петрович говорит: подсобляйте; Павел Петрович: хвать, угомонился, бишь, прихватить, торчать (о Базарове), околею; Василий Иванович Базаров: почеломкаемся, верть назад, вино... подгуляло, отделал меня. Более того, просторечные слова и выражения встречаются и в авторской речи: мужички... обтерханные, не потакал им,

таскался за ней повсюду, Ситников... затрещал на славу, потащился в город, толчется в Петербурге, якшается со студентами.

Довольно часто встречаются в произведениях Тургенева слова, заимствованные из различных западноевропейских языков: дилетант, гипотеза, метафизика, система, демократ, либерал, нигилизм, принципы, скептицизм, парламентаризм. Эта лексика получает распространение в романах Тургенева не случайно. Как раз в период 30—60-х годов в России развивается журналистика, появляются публицистические стили, разговорный словарь интеллигенции обогащается научной и политической терминологией. Тургенев как художник, реалистически отражающий жизнь, «заставлял» своих героев говорить современным языком.

С другой стороны, писатель резко отрицательно относился к французомании и англоманству, к намеренному щеголянию иностранными словечками. В романе «Отцы и дети» он высмеял помещичье-сословный лексикон аристократов Павла Петровича Кирсанова, Матвея Ильича Колязина, а в романе «Новь» в отрицательном свете изобразил реакционера Калломейцева, злоупотреблявшего иностранными словами и видевшего в этом особое «грансеньорство». Речь Павла Петровича Кирсанова, преклоняющегося перед западной культурой, насыщена иностранными изречениями, нередко искусственно перемешанными с русскими словами и выражениями: «Я нахожу, что Аркадий s'est dégourdi» (стал развязен); «Это был минутный vertige» (головокружение).

Разгадав истинную сущность Павла Петровича, Базаров сражает своего оппонента его же оружием: в XXIV главе романа на французское изречение Кирсанова Базаров отвечает латинским, заметив при этом: «Так-то: вы мне по-французски, а я вам по-латыни». Но латинские слова и выражения в устах Базарова — необходимая принадлежность языка научного, характерная для естественника-медика терминология (жука он называет dytiscus marginatus, мускул — vastus externus).

Итак, иностранная лексика в произведениях Тургенева употребляется в двух целях: и как средство обогащения нашего словаря, и для осмеяния шаблонов, дежурных украшательств речи различных высокопоставленных особ. В этом Тургенев пошел вслед за Пушкиным и Гоголем. Они признавали употребление иностранных слов, обозначающих предметы и понятия, для которых нет подходящих выражений в родном языке («Но панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет»), и, напротив, боролись с французоманией в речи («манкировала контрвизитом» или «инкомодите в виде горошинки на правой ноге» у Гоголя).

Тургенев умел придать русскому языку необыкновенную гибкость и выразительность. Он создал особую манеру лирического повествования с разветвленной системой художественных определений: бедные, бледные, бессильные руки; потемневшая, благовонная, уединенная комната; спокойное, изнеженное, избалованное существо.

Специфика употребления Тургеневым эпитетов может быть прослежена в романе «Отцы и дети». Здесь сразу видно, что писатель избегает резких, кричащих эпитетов. Для передачи «обычных» человеческих чувств Тургенев часто сочетает отвлеченные понятия: холодный ужас, изнеженная небрежность, изящное смирение, раздражительная свежесть, злобная унылость, леденящая вежливость и т. п. Когда писателю необходимо выразить свое отрицательное отношение к герою, он прибегает к неожиданным сатирическим определениям, весьма удаленным по значению от определяемых ими слов: «будет с него *губернского* фимиама», «*приличанное* лицо», «*благонамереннейше-застегнутый* вицмундир». В описаниях природы Тургенев стремится передать тончайшие оттенки. Он достигает этого главным образом с помощью сложных определений: бледно-ясная лазурь, бледно-золотые пятна света, шумливо-сухая трава.

Тургенев прекрасно понимал, что русская народная речь проста и могуча, как и русская природа. Он писал: «В самой природе нет ничего ухищренного и мудреного, она никогда ничем не щеголяет, не кокетничает; в самых своих прихотях она добродушна. Все поэты с истинными и сильными талантами не становились в „позитуру" пред лицом природы; ...великими и простыми словами передавали они ее простоту и величие...».

Как поэт «с истинным и сильным талантом» Тургенев никогда не становился в «позитуру» перед природой. Он обрисовывал ее простыми и ясными линиями. Опираясь на традиции устного поэтического творчества народа, именно из природы, окружающей человека, Тургенев черпал большинство сравнений и метафор: «Дворовые мальчишки бегали за дохтуром, *как собачонки*», «Люди, *что деревья в лесу*», «Мысли *зароились* в голове», «Гордость *поднялась на дыбы*».

Тургенев великолепно владел всей палитрой общенародного языка, но никогда искусственно не подделывался под народный говор. Он писал: «В наших глазах тот заслуживает это название (народного писателя.— *П. П.*), кто, по особому ли дару природы, вследствие ли многотревожной и разнообразной жизни, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом».

Сам Тургенев несомненно был таким писателем. Он всегда черпал силы в настоящей, большой любви к Родине, в горячей вере в русский народ, в глубокой привязанности к родной природе и к «великому, могучему, правдивому и свободному русскому языку».

В статье «По поводу „Отцов и детей"» Тургенев оставил молодым литераторам замечательный завет: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в челе которых блистает опять-таки Пушкин! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!».

П. Г. ПУСТОВОЙТ

НАСТОЯЩАЯ РУССКАЯ РЕЧЬ

И. С. Тургенев о «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова сказал так: «Слог его мне чрезвычайно нравится. Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нет вычурного и ничего лишнего, ничего напряженного и ничего вялого — свобода и точность выражения одинаково замечательны».

Таков слог и самого Тургенева, в частности — «Записок охотника».

«Записки охотника»... Едва ли мы задумываемся над тем, как прозаично это заглавие. Сколько промелькнуло на страницах журналов и прочих изданий «записок», «путевых заметок», «блокнотов», «дорожных очерков». Тургеневская книга — собственно, того же жанра. Это снимки с натуры, непосредственное, непринужденное повествование о самом обыденном, что мог увидеть охотник в орловской и калужской крепостной деревне. И хотя давно минуло то время, рассказы живут, волнуют. Над тайной очарования тургеневской прозы и хочется поразмыслить.

Чтобы художественное произведение было принято и осталось в памяти не одного поколения, оно должно содержать глубокую, значимую мысль, необходимую людям правду, настроенность, совпадающую со сложной стихией народных чувств и выраженную образным, точным и эмоциональным словом.

«Записки охотника» заняли особое место в истории литературы и художественной стилистики: они в какой-то мере обозначили поворот, новое в общественном сознании. Это были годы, когда Белинский требовал, чтобы литература заинтересовалась участью угнетенных классов, объективно представила бы мужика как личность — его ум, сердце, страсти, склонности, и связывал это с духом времени, развитием цивилизации, просвещения и гуманности. Тургенев и совершил свое «хождение в народ», побывал в закопченных избах, ночевал в сараях, на сеновалах, под открытым небом и всюду встречался с людьми на увлекательном пути исследователя народной жизни. Он посмотрел на крестьянскую Русь внимательным, заинтересованным, любящим взглядом — и много увидел, открыл для искусства. Чудесным словом художника-реалиста, проникновенного лирика Тургенев поведал о том, как талантлив, умен, честен, душевен, благообразен русский крестьянин и как замучен и задавлен он дикими условиями крепостного существования.

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»

Писатель создал галерею деревенских типов, выдвинув на первый план образы тружеников. Это умный и деловой Хорь в окружении своих детей — рослых красавцев, поэтически впечатлительные натуры — Калиныч, Касьян, суровый и честный Бирюк, талантливый певец Яшка-Турок, Арина с ее загубленной судьбой, несчастная Лукерья, отвергнутая развращенным лакеем Акулина, трогательные и непосредственные ребята из «Бежина луга». Тургенев проявляет необычное для того времени внимание к внешности крепостного мужика:

ТУРГЕНЕВ
Карандашный рисунок Полины Виардо
22 сент. 1879 г.

Я открыл глаза и увидел Калиныча: он сидел на пороге полураскрытой двери и ножом вырезывал ложку. Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо.

Или взглянем на Арину:

Ей было на вид лет тридцать; худое и бледное лицо еще хранило следы красоты замечательной; особенно понравились мне глаза, большие и грустные.

А вот лесник Бирюк:

Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза.

На стиле «Записок охотника» отпечаток особого мировоззрения и жизненного опыта трудового народа. Мы любуемся тургеневским описанием природы — тонкостью обозначений зрительных восприятий, цвета, запаха, нас захватывает многокрасочность изображенной им флоры и фауны. А ведь это соответствовало прежде всего впечатлениям крестьянина, влюбленного в деревенские зори, в звучный и радостный мир земного бытия, во всю, как выразился М. Горький в статье о Пришвине, биосферу, окружающую сельского жителя и поэтически воспринятую им. И совсем не случайно классические тургеневские пейзажи сюжетно связаны с образами крестьян. Посмотрите, как «вписывается» в картину природы Касьян с Красивой Мечи.

Я глядел на него. Листья слабо колебались в вышине, и их жидко-зеленоватые тени тихо скользили взад и вперед по его тщедушному телу, кое-как закутанному в темный армяк, по его маленькому лицу... Волшебными подводными островами тихо наплывают и тихо проходят белые круглые облака — и вот вдруг все это море, этот лучезарный воздух, эти ветки и листья, облитые солнцем,— все заструится, задрожит беглым блеском, и поднимется свежее, трепещущее лепетанье, похожее на бесконечный мелкий плеск внезапно набежавшей зыби. Вы не двигаетесь — вы глядите: и нельзя выразить словами, как радостно, и тихо, и сладко становится на сердце. Вы глядите: та глубокая, чистая лазурь возбуждает на устах ваших улыбку, невинную, как она сама, как облака по небу, и как будто вместе с ними, медлительной вереницей, проходят по душе счастливые воспоминания, и все вам кажется, что взор ваш уходит дальше и дальше, и тянет вас самих за собой в ту спокойную, сияющую бездну, и невозможно оторваться от этой вышины, от этой глубины...

И как естественно после этого описания прозвучало недоумение Касьяна — поэта в душе, «юродивого», хранителя первозданной красоты мира:

— Барин, а барин! — промолвил вдруг Касьян своим звучным голосом.

Я с удивлением приподнялся; до сих пор он едва отвечал на мои вопросы, а то вдруг сам заговорил.

— Что тебе? — спросил я.

— Ну, для чего ты пташку убил? — начал он, глядя мне прямо в лицо.

— Как для чего?.. Коростель — это дичь: его есть можно.

— Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для потехи своей убил.

— Да ведь ты сам, небось, гусей или куриц, например, ешь?

— Та птица богом определенная для человека, а коростель — птица вольная, лесная. И не он один: много ее, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной и луговой, и верховой и низовой — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела... А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — божья благодать — да во́ды небесные, да тварь ручная от древних отцов.

Также невозможно отделить Бирюка от страшной, но по-своему красивой грозовой ночи, Акулину (Свидание) — от березовой рощи и полевых цветов и трав, ребят (Бежин луг) — от летней ночи, полной таинственности, запахов, и такой прекрасной, когда звезды на небе роятся, как божьи пчелки.

Несомненно с миром сельских наблюдений, крестьянской культурой, созданной вековым опытом трудовой жизни и взаимодействия с природой, связана богатая тургеневская лексика, точные и яркие обозначения, мелодия фразы. Конечно, повествовательная речь писателя вобрала книжную традицию, опыт великих стилистов и словолюбов. Но это нисколько не противоречит тому, что существенная основа ее — в превосходном знании живой речи народа. Если бы Тургенев, предположим, смотрел на явления глазами Полутыкина или Пеночкина — людей очень далеких от психологии тружеников и лишенных национальной почвы, он не дал бы таких изображений:

Весь этот лес состоял из каких-нибудь двух- или трехсот огромных дубов и ясеней. Их статные, могучие стволы великолепно чернели из золотисто-прозрачной зелени орешников и рябин; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и там уже раскидывали шатром свои широкие узлова-

тые сучья; ястреба, кобчики, пустельги со свистом носились под неподвижными верхушками, пестрые дятлы крепко стучали по толстой коре; звучный напев черного дрозда внезапно раздавался в густой листве вслед за переливчатым криком иволги; внизу, в кустах, чирикали и пели малиновки, чижи и пеночки; зяблики проворно бегали по дорожкам; беляк прокрадывался вдоль опушки, осторожно «костыляя»; краснобурая белка резво прыгала от дерева к дереву и вдруг садилась, поднявши хвост над головой. В траве, около высоких муравейников, под легкой тенью вырезных красивых листьев папоротника, цвели фиалки и ландыши, росли сыроежки, волвянки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайках, между широкими кустами, алела земляника... А что в лесу за тень была! В самый жар, в полдень — ночь настоящая: тишина, запах, свежесть...

И это не только в изображении природы. Народная основа тургеневской речи везде и во всем:

Кузя, наездник, мастер своего дела, проехал раза три мимо нас по улице. Хорошо бежит лошадь, не сбивается, задом не подбрасывает, ногу выносит свободно, хвост отделяет и «держит», редкомах... Баклага правил лошадьми... и как правил! сквозь сережку бы проехал, разбойник! Гнедые пристяжные, маленькие, живые, черноглазые, черноногие, так и горят, так и поджимаются; свистни только — пропали! Караковая коренная стоит себе, закинув шею, словно лебедь, грудь вперед, ноги как стрелы, знай головой помахивает да гордо щурится... Хорошо! Хоть бы царю Ивану Васильевичу в светлый праздник прокатиться.

Тургенев — мастер детали, броского штриха. Вот пример из рассказа «Бирюк». От лесника сбежала жена, оставив двенадцатилетнюю дочь и грудного ребенка. Когда заговорили об этом между собой хозяин и охотник, «девочка потупилась». А потом рассказчик еще раз внимательно посмотрит на нее:

Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка подталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ее голые ноги висели, не шевелясь.

Как мало потребовалось слов, чтобы с такой силой изобразить трагическую ситуацию!

Тонкая наблюдательность, подробнейшая детализация событий очень существенны и тогда, когда Тургенев шутит, иронизирует, издевается, бичует. Рассказчик и кучер едут на охоту. Сломалась ось телеги. Охотник спрашивает, что делать.

Кучер мой сперва уперся коленом в плечо коренной, тряхнул раза два дугой, поправил седелку, потом опять пролез под поводом пристяжной и, толкнув ее мимоходом в морду, подошел к колесу — подошел и, не спуская с него взора, медленно достал из-под полы кафтана тавлинку, медленно вытащил за ремешок крышку, медленно всунул в тавлинку своих два толстых пальца (и два-то едва в ней уместились), помял-помял табак, перекосил заранее нос, понюхал с расстановкой,сопровождая каждый прием продолжительным кряхтением, и, болезненно щурясь и моргая прослезившимися глазами, погрузился в глубокое раздумье.

И когда Тургенев изображает всеобщий испуг в деревне Шиповке при появлении там барина Пеночкина, или французского кухню Полутыкина, или хозяйственные затеи Еремея Лукича (Чертопханов и Недопюскин), которые кончились неудачей и потому приказано было перепороть за колдовство всех старых баб на деревне,— удивительная зоркость помогает ему создать сати-

рические образы глубокого обобщения. Мы помним знаменитые: «Отчего вино не нагрето?», «Насчет Федора... распорядиться», «Чюки-чюки-чюк!». Тургенев заметит, как при появлении сановника «все общество отправилось в столовую, тузами вперед», как «земский выпучил глаза, словно куда-то очень далеко прыгнуть собирался», как «купцы с мучительным напряжением пили чай».

Писателя восхищает звучание, напевность «простой, умной речи русского мужика»:

Странный старичок говорил очень протяжно. Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого,— он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен... Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностию, изредка закрывая глаза (Касьян с Красивой Мечи).

В речи Касьяна, Лукерьи, Кости из «Бежина луга», исполненной чувств и вдохновения, Тургеневу дорог поэтический склад, красота и могущество фольклорной стихии: «А месяц-то светил сильно, так сильно, явственно светит месяц — все, братцы мои, видно».

Писатель высоко ценит меткость и незаменимость народных выражений. Кучер говорит: «Ось сломалась» и добавит: «перегорела», то есть истерлась на ходу. Крепостной Влас, вернувшийся из города от барина ни с чем, горюет: «Жена, чай, теперь с голоду в кулак свистит». О крупной лошади говорят, что она «широка», «печь-печью, хоть выспись». Или такие выражения: конь «туг на поводу», зато другой «шагом идет — как в руках несет; рысью — что в зыбке качает, а поскачет, так и ветру за ним не угнаться»; «Затормошили меня, словно зайца на угонках»; «Осень всклочет, а как весна захочет»; «Шапку оземь»; он «поперек себя толще»; «наизнанку антихриста выворочу». Лукерья рассказывает о приснившейся женщине: «...а она вдруг верть — да прямо ко мне».

Тургенев прислушивался к названиям мест, именам, прозвищам, кличкам животных — здесь открывалась ему область народного словотворчества. Поэтично звучат: Бежин луг, Парахинские кусты, Малиновая вода, Красивая Мечь, Синдеевская роща, Чаплыгино. В других случаях меткие названия говорят о бедственном положении крестьян, отрицательных качествах людей: река Гнилотерка, село Худобубново; участок назвали Дубовщиной, потому что он был отнят у соседей дубинами; несуразному человеку из дворовых дали кличку Оболдуй, помещицу прозвали Стрыганихой. Характерологически мотивированы имена тунеядцев: Полутыкин, Зверков, Мардарий Аполлонович Стегунов, Хряк-Хруперский, Колтун-Бобура.

Тургенев дорожит каждым народным словом, даже если оно узко диалектное. Он заметит, что сплошные массы кустов в Орловской губернии называют площадями, низкие кусты — мелочами, лес — заказом, густой тростник, разросшийся по краям и в середине прудов и озер — майером, крутой поворот в овраге — сугибелью, оставшуюся от весеннего половодья на все лето воду —

бучилом. Змей называют козюлями. Если заброшенный человек где-то приютился жить, говорят: притулился. Одинокого называют бирюком. Стремясь к точному воссозданию речи крестьян, Тургенев вводит в диалоги такие слова, как: напой, пущай, напужались, понятственно, хоша, хичная, откентелева (откуда), подь сюда, покажь, неча сказать, необнаковенный, удоблетворю, лотошил, вострая девка, очинна хорошо, карахтер, черево (в смысле — тело), нонеча, спортить, чапля.

Это не значит, что Тургенев принимал все, что слышал. Например, он замечает: «Орловское наречие отличается вообще множеством своебытных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных, слов и оборотов». Тонкое языковое чутье, высокий эстетический вкус помогли ему опереться на то, что составляет силу языка,— емкие, содержательные слова, обладающие наибольшей изобразительностью.

Он скажет: «Словно взлетая, поднимается могучее светило»; «Солнце так и било с синего потемневшего неба»; «Золотисто-желтый луч ворвется вдруг, заструится длинным потоком, ударит по полям...»; «Осенью вальдшнепы часто держатся в старинных липовых садах»; «Далеко в поле гуськом торчат драхвы»; «Могучий темно-гнедой конь так и взвился всеми ногами на воздух». Или: «Машу всю поводило, как бересту на огне»; «окончательно „доехал", как говорится, Чертопханова следующий случай»; в Орловской губернии «изба лепится к избе, крыши закиданы соломой», а в Калужской «избы стоят вольней и прямей, ...плетень на задворках не разметан, не зовет в гости всякую прохожую свинью»; «Купцы средних лет подлюбливают таких лошадей: побежка их напоминает ухарскую походку бойкого полового»; «Раненый беляк... жалобно закричал в зубах рассовавшегося пса».

Тургенева не смущают такие слова и обороты в авторской речи, как: крехтанье кур, поплелся рысцой — трюхи-трюхи, сторговал ось, выщупывать дно озера.

Ему ненавистна речь манерная, фальшивая, грубая, изуродованная безвкусицей, дурной привычкой коверкать и обессмысливать слова. Он чутко прислушивался не только к тому, какие произносят слова, но и как их произносят. Бывший камердинер Владимир в рассказе «Льгов» «говорил, ни дать, ни взять, как провинциальный молодой актер, занимающий роли первых любовников». Генерал Хвалынский (Два помещика) особенным даром красноречия не владел, перед высшими безмолвствовал,— иронизирует автор. Разговаривая с равными себе людьми и нечиновными, даже слова иначе произносит и не говорит, например: «Благодарю, Павел Васильич», или: «Пожалуйте сюда, Михайло Иваныч», а: «Боллдарю, Палл Асилич» или: «Па-жалте сюда, Михал Ваныч». С людьми же, стоящими на низших ступенях общества, он обходится еще страннее: вовсе на них не глядит и, прежде чем объяснит им свое желание или отдаст приказ, несколько раз сряду, с озабоченным и мечтательным видом, повторит: «Как тебя зовут?.. как тебя зовут?», ударяя необыкновенно резко на первом слове «как», а остальные произнося очень быстро, что придает всей поговорке довольно близкое сходство с криком самца-перепела.

С низшими

держит речи отрывистые и резкие, употребляя выраженья, подобные следующим: «Это, однако, вы пу-стя-ки говорите», или: «Я, наконец, вынужденным нахожусь, милосвый сдарь мой, вам поставить на вид», или: «Наконец вы должны, однакоже, знать, с кем имеете дело» и пр.

Люди типа Беневоленского, дилетанты в искусстве,

настоящие дубины, вымазанные медом... никогда не называют Рафаэля — Рафаэлем, Корреджио — Корреджием: «Божественный Санцио, неподражаемый де Аллегрис»,— говорят они, и говорят непременно на б. Всякий доморощенный, самолюбивый, перехитренный и посредственный талант величают они гением, или, правильнее, «хэнием»: синее небо Италии, южный лимон, душистые пары берегов Бренты не сходят у них с языка. «Эх, Ваня, Ваня», или: «Эх, Саша, Саша,— с чувством говорят они друг другу,— на юг бы нам, на юг... ведь мы с тобою греки душою, древние греки!».

Сановник из рассказа «Гамлет Щигровского уезда», «вероятно, ради важности, иногда изменял общепринятые ударения слов» (говорил *ибо* вместо *и́бо* и произносил иногда более животом, чем губами).

Отставной поручик Хлопаков

в продолжение года, иногда двух, употребляет постоянно одно и то же выражение, кстати и некстати, выражение нисколько не забавное, но которое, бог знает почему, всех смешит. Лет восемь тому назад он на каждом шагу говорил: «Мое вам почитание, покорнейше благодарствую», и тогдашние его покровители всякий раз помирали со смеху и заставляли его повторять «мое почитание»; потом он стал употреблять довольно сложное выражение: «Нет, уж это вы того, кескесэ,— это вышло выходит», и с тем же блистательным успехом; года два спустя придумал новую прибаутку: «Не ву горяче па, человек божий, обшит бараньей кожей» и т. д. И что же! эти, как видите, вовсе незатейливые словечки его кормят, поят и одевают.

Потом он потешал «общество» словечком: «рррракалиооон!». А другой из этого «общества» обращается так:

— Че-о-эк, э, трубку,— произнес в галстух какой-то господин высокого росту, с правильным лицом и благороднейшей осанкой,— по всем признакам шулер.

Тургенев высмеял пустозвонство помещичьего публициста Хряка-Хруперского, статья которого о пользе нравственности в крестьянском быту начиналась так: «Усугубленными попечениями сердобольного начальства достигнута наконец возвышенная, каждому истинному чаду отечества драгоценная мечта» (Чертопханов и Недопюскин). Еремей Чертопханов заставил своих крестьян выучить эту статью наизусть. С иронией рассказывает писатель о том, как помещица Лоснякова завела в усадьбе обычай сочинять приказы по всем нормам канцелярского делопроизводства, а чиновник из Петербурга Штоппель в издевательской беседе с Недопюскиным «выражался языком нестерпимо чистым, бойким и правильным».

Вот откуда, по мнению Тургенева, грозила опасность великому, свободному, правдивому языку русского народа. И он ревниво оберегал «наш прекрасный язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками».

Ф. Г. БИРЮКОВ

Слово в драматургии И. С. Тургенева

Богатство и поэтичность, гибкость и чарующее волшебство русского языка, проникновенно воспетые Тургеневым, нашли в его творчестве совершенное воплощение и развитие. Язык драматургии Тургенева продолжает лучшие традиции художественной стилистики первой половины XIX века. Из всех великих предшественников писателю ближе всех Пушкин; его реализм, простота, народность определили художественную систему Тургенева-драматурга. Большое влияние на язык пьес Тургенева оказала и драматургия Гоголя и прежде всего свойственная ей глубина индивидуальной и социальной характерности речи персонажей.

И все-таки можно сказать, что пьесы Тургенева знаменуют собою начало нового драматургического течения, нового этапа русского сценического искусства. Созданные в период 1843—1852 годов десять пьес Тургенева обладают при всем различии их жанров некоторыми общими чертами стиля.

Ставя в центре внимания проблему социального неравенства, социальной борьбы, общественной пассивности «лишних людей»,